

Роль неопределенности в моделях эпистемического любопытства

Голубинская А.В.

*Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского
(ФГАОУ ВО «ННГУ имени Н.И. Лобачевского»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7119-3968>, e-mail: golub@unn.ru*

Сложившиеся в психологической науке стратегии изучения эпистемического любопытства, как правило, рассматривают четыре фактора исследовательской мотивации к поиску новой информации: степень знакомства с предметной отраслью (Д. Берлайн), ожидаемая ценность информации (Д. Лёвенштейн), сложившиеся в культуре рамки толерантности к новой информации (Дж. Литман) и особенности материальных ресурсов познавательной ситуации (А. Субаши). Неопределенность — одна из ключевых характеристик современной культуры, в связи с чем возникает вопрос о степени влияния ее переживания на познавательные процессы. Сравнение перечисленных стратегий показывает, что независимо от того, где начинается исследование любопытства — в поведении или мышлении, в личностных характеристиках или во взаимодействии со средой, — место неопределенности в концептуальной системе остается прежним. Цель статьи — обзор зарубежных исследований, посвященных связи эпистемического любопытства с переживанием неопределенности. Рассмотрены четыре основные модели эпистемического любопытства, предложена новая авторская (объединяющая) модель, согласно которой любопытство является инструментом «управления неопределенностью» в целях наиболее эффективной адаптации к жизненной среде.

Ключевые слова: неопределенность, эпистемическое любопытство, диверсивное любопытство, специфическое любопытство, ассоциативная модель любопытства, вероятностная модель любопытства, социально-антропологическая модель любопытства, эко-когнитивная модель любопытства, культурный фон.

Финансирование. Работа выполнена в рамках НИР Н-490-99_2021-2023 «Образы будущего и креативные практики: антропологический анализ социального проектирования и научного творчества в условиях неопределенности» на базе Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского по заказу Министерства образования и науки Российской Федерации (Программа стратегического академического лидерства «Приоритет 2030»).

Для цитаты: Голубинская А.В. Роль когнитивного переживания неопределенности в моделях эпистемического любопытства [Электронный ресурс] // Современная зарубежная психология. 2022. Том 11. № 4. С. 127—135. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110411>

The Role of Uncertainty in Models of Epistemic Curiosity

Anastasia V. Golubinskaya

*National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7119-3968>, e-mail: golub@unn.ru*

The psychological research strategies of studying epistemic curiosity traditionally consider four factors of motivation to search for new information: the degree of familiarity with the subject, the expected value of information, the cultural framework of tolerance to new information and the features of the material resources of the epistemic situation. A comparison of these models shows that regardless of where the study of curiosity begins — in behavior, in mental processes, in personal characteristics or in interaction with the environment — the place of uncertainty in the conceptual system remains the same. Uncertainty is one of the key characteristics of modern culture, which raises the question of the degree of influence of its experiences on cognitive processes. The purpose of the article is to review foreign studies on the connection of epistemic curiosity with the experience of uncertainty. The article contains the analysis of the four main models of epistemic curiosity and the suggestion of the new (unifying) model, according to which curiosity is a tool for “managing uncertainty” in order to adapt in the most effective way to a complex, unpredictable environment.

Keywords: uncertainty, epistemic curiosity, diversive curiosity, specific curiosity, associative model of curiosity, probabilistic model of curiosity, socio-anthropological model of curiosity, eco-cognitive model of curiosity, cultural background.

Funding. The work was funded by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation (Strategic Academic Leadership Program «Priority 2030») within the framework of the research 490-99_2021-2023 «Images of the Future and creative practices: an anthropological analysis of social design and scientific creativity in conditions of uncertainty» on the basis of Lobachevsky Nizhny Novgorod State University.

For citation: Golubinskaya A.V. The role of Uncertainty in Models of Epistemic Curiosity *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya = Journal of Modern Foreign Psychology*, 2022. Vol. 11, no. 4, pp. 127—135. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2022110311> (In Russ.).

Введение

В современной науке несколько вопросов привлекают в равной степени внимание специалистов разного профиля. Таковым является вопрос об онтологическом статусе любопытства. «Любопытство к любопытству» вполне оправдано: понять его биологические, психические и социальные «механизмы» означает ответить на вопросы о том, как организм адаптируется к новой среде, каковы факторы обучения человека и природа познания в целом, как развивается наука и чем руководствуется исследовательский интерес.

История научного исследования этого вопроса относительно коротка, и сформировавшиеся предположения о детерминирующих любопытство факторах достаточно противоречивы. Одной из основных проблем существующих решений стало отсутствие объяснительных симметрий: различные формы любопытства объясняются различными факторами так, как будто они не принадлежат к явлениям одного порядка. Так, само понятие «эпистемическое любопытство» неоднократно перестраивается заново. В одних случаях оно детерминируется языковыми компетенциями, именно с этой идеи началась история исследования темы (Д. Берлайн, Великобритания). В других случаях акцент был поставлен на вероятностные представления об инструментальной пользе информации. Такова концепция Д. Лёвенштейна (США), второй из наиболее значимых в истории исследования любопытства фигур. Затем, понятие любопытства было вновь пересобрано Дж. Литманом (США), и на этот раз ключевым элементом стали личностные характеристики. В заключение было высказано и четвертое предположение. А. Субаши (ОАЭ) определил в качестве главных факторов эпистемического любопытства материальные условия и ресурсы познавательной ситуации. В данной статье предлагается познакомиться с вкладом этих ученых в развитие научной проблемы, что не только показывает сложность и противоречивость научного поиска на конкретном примере предмета изучения, но и позволяет определить перспективы современной психологии в данной области с учетом обнаруженных указанными авторами противоречий и неточностей в природе эпистемического любопытства.

Анализ литературного массива показывает, что модели эпистемического любопытства могут быть абсолютно противоречивыми, но даже в этом случае имеют один общий элемент — неопределенность, а точнее, когнитивное переживание неопределенности.

Рассмотрим эти концепции в контексте истории исследования вопроса и его современного состояния.

Ассоциативная модель, или модель «примерки»

В 1954 году Д. Берлайн предложил термин «эпистемическое любопытство», чтобы концептуально разделить мотивационное состояние, связанное с оценкой информации и получением знания, и любопытство, связанное с усилением чувственного восприятия стимулов, т. е. от перцептивного любопытства [4].

Перцептивное любопытство широко известно в науке, в первую очередь — в психофизиологии (ориентировочные рефлексы, описанные И.П. Павловым как рефлекс «что это такое?»). Оно вызывается новыми, неоднозначными стимулами, что характерно как для человека, так и для животного, и единственное свойство объектов, вызывающих такое любопытство, — это новизна. Нельзя сказать то же самое об эпистемическом любопытстве, связанном с поиском информации и процессами принятия знания, и особенно важным для процессов обучения и научного творчества. Эпистемическое любопытство характеризуется избирательностью, и факторы, способные объяснить эту избирательность, стали главным вопросом как для Д. Берлайна, так и для последующих исследователей. В отличие от существовавших в это время философских концепций, утверждавших иррациональность процессов поиска информации [2], концепция Д. Берлайна представила эпистемическое любопытство как когнитивный механизм, связанный с природой человеческой «потребности в познании», т. е. природой стремления придавать смысл внешним событиям, и который автоматически действует в ментальных процессах, начиная от визуальной сегментации и заканчивая явным выводом и причинно-следственными рассуждениями [17; 21; 28].

Согласно Д. Берлайну, эпистемическое любопытство — это комплексное явление, которое может проявляться в двух формах: специфической и диверсивной. Первая форма предполагает наличие конкретного стимула к познавательной деятельности, т. е. прямого вопроса, заданного третьим лицом или обнаруженного самим человеком. Например, вопрос «Как питается морская звезда?» способен спровоцировать любопытство тогда, когда человек осознает, что (1) морская звезда — живой организм, т. е. она каким-то образом питается, и что в то же время (2) во внешнем виде морской звезды нет ничего похожего на ротовое отверстие. Вторая форма — диверсивное эпистемическое любопытство, при котором кто-то стремится узнать что-то новое, не особо заботясь о предмете познания. Современному человеку это явление известно на примере веб-серфинга, а также в качестве способа стимулировать творческое мышление [9].

Отталкиваясь от идеи Б. Скиннера о «тематических пробах», Д. Берлайн определил концепции-ассоциации в качестве одного из источников эпистемического любопытства [4, с. 182—183]. Это означает, что любопытство уменьшается, когда ассоциации приводят к шаблону ответов, которые предшествующее обучение субъекта позволяют ему принять в качестве адекватного ответа. Таким образом, субъект осуществляет своеобразную «примерку» концепций, следовательно, природу любопытства можно объяснить степенью уже осуществленного знакомства человека с предметной отраслью вопроса, ответ на который он пытается найти. Если область ему хорошо знакома, то ответ будет очевидным, а очевидное не стимулирует любопытство. Если же отрасль знания совсем незнакома, то возможные варианты ответа на вопрос будут слишком слабы, чтобы стимулировать поиск дополнительной информации. Можно сказать, что «механизмы любопытства» активируются на промежуточной стадии знакомства с предметной отраслью [4, с. 189; 5]. В некотором смысле, современные когнитивно-педагогические теории [18; 23] разделяют такую позицию, когда предлагают в качестве стимула к обучению рефлексивное мышление ученика и его способность к осознанной эпистемической оценке наличных знаний.

Вероятностная модель, или модель «пробела»

В 1994 г., опираясь на идеи Д. Берлайна, Д. Лёвенштейн предложил теорию информационного пробела [13], в которой любопытство описано как когнитивная депривация, возникающая из-за восприятия пробела в знаниях и понимании. Эта теория предполагает, что знания, о которых человеку известно, но которыми он пока не владеет, могут быть или не быть желаемыми.

Таким образом, люди испытывают чувство любопытства, когда понимают, что им не хватает желаемых знаний, а такая нехватка создает чувство неуверенности, которое и вынуждает их искать недостающую информацию, или «информационный пробел». Информационный пробел — это вопрос, о котором человек уже осведомлен («активированный вопрос»), или те вопросы, которые человек мог бы знать, но в настоящее время не осознает («скрытый вопрос») [7], а любопытство к заполнению этого пробела мотивировано ожидаемой полезностью информации.

При этом распознавание пробела в информации — своеобразный навык, поскольку, с одной стороны, субъект должен знать о теме достаточно, чтобы оценить вероятность пользы от устранения пробела, но знать не настолько много, чтобы думать, что пробела нет.

Осознание дефицита знаний приводит к любопытству (или, как отмечают последние исследования в этом направлении, еще и к повышенному ситуационному интересу к информации, который является мотивационным показателем готовности человека заниматься обработкой такой информации [24], а также к более строгому метакогнитивному контролю [6]). Д. Лёвенштейн и Д. Берлайн согласны по вопросу знакомства человека с предметной отраслью, но на этом сходства заканчивают-

ся. Идея ожидаемой полезности информации оказывается совершенно неприменимой по отношению к выделенному Д. Берлайном диверсивному эпистемическому любопытству: «наслаждаться» случайным, беспредметным поиском новой информации, в том числе не имеющей прикладного потенциала, будет парадоксально, если двигателем этого поиска является инструментальная ценность этой информации.

Согласно Д. Лёвенштейну, любопытство в определенной мере контролируется вероятностными представлениями человека. Когда вероятность получить потенциально полезную информацию оценивается высоко, сила желания получить эту информацию должна возрастать. Соответственно, когда ожидаемые результаты являются нежелательными, информация избегается. Так, согласно другим исследованиям, «люди, которые меньше обеспокоены будущим, должны с меньшей вероятностью проявлять желание остаться в неведении и с большей вероятностью получать информацию, несмотря на ожидаемые плохие новости» [7, с. 17].

Другие результаты были получены в исследованиях эпистемического поведения людей в период пандемии COVID-19, где, напротив, большее любопытство было характерно для людей с повышенной тревожностью о будущем [2; 11] (разница этих исследований будет рассмотрена далее). Несмотря на разницу в antecedентах этих моделей, современные исследования [22; 26; 27] указывают на связь любопытства с переживанием несоответствия в новых наличных знаниях.

Модель избирательного внимания, предложенная им для описания «обратной стороны» любопытства на примере инвестиционного поведения человека, предполагает, что оценка инструментальной ценности информации зависит не только от объективного содержания информации (т. е. желательного или нежелательного), но и от психологических (внутренних) и контекстных (внешних) факторов. Наиболее характерный пример внутреннего и внешнего факторов — это соотношение потребностей и возможностей.

По аналогии с тем, что голод возникает как тогда, когда внутренние нейроны, воспринимающие химические вещества, сигнализируют о дефиците питательных веществ, так и тогда, когда сенсорные сигналы, такие как запахи, указывают на наличие возможностей удовлетворить дефицит или создать запасы; любопытство также реагирует «как на внутренние сигналы, такие как заметный пробел в знаниях, так и на внешние стимулы, такие как очевидная доступность информации» [31], хотя нейропсихологическая регуляция любопытства на данный момент остается неизученной темой [10].

Социально-антропологическая модель

В начале XXI века психолог Дж. Литман обратил внимание на то, что на протяжении десятилетий исследований эпистемического любопытства депривация информации считались более важной для мотивации, хотя само по себе любопытство предполагает состояние возбуждения и очень положительные эмоции [16].

Действительно, смена общественной парадигмы оказывает сильное воздействие на то, как понимается феномен любопытство и в науке, и в повседневной жизни. Еще недавно «синдром вечного студента» считался признаком инфантильности, формой прокрастинации или сигналом о нарушениях способности обучаться. Предполагалось, что знакомство с наукой является лишь частью жизни человека, этапом его взросления, но сегодня такие взгляды кажутся просто наивными. Любопытство же, очевидно, может отражать приятное предвкушение приобретения знаний. Дж. Литман предложил обозначить случаи, мотивированные устранением информационных пробелов, как случаи информационной депривации, или D-тип любопытства, а случаи, связанные с интересом, — как I-тип. Стоит отметить, что консенсус об отношении понятий «любопытство» и «интерес» пока не достигнут [10; 12; 22], их содержание не равно, но разница остается неясной.

I-тип эпистемического любопытства активизируется, когда люди осознают возможность открыть что-то совершенно новое, когда их внимание сосредоточено на удовольствии от новых открытий, что побуждает их к широкому поиску новой информации. Это — чисто внутренний мотив для получения новых знаний.

D-тип эпистемического любопытства активизируется, когда людям не хватает определенных фрагментов информации, которые они хотели бы включить в существующий набор знаний. Этот тип отражает неудовлетворенную потребность, которая мотивирует поиск знаний, способных уменьшить нежелательные состояния неопределенности.

Изначально Дж. Литман сосредоточился на измерении индивидуальных различий в личностных чертах эпистемического любопытства, что обеспечило возможность психометрического подхода к проблеме. Основными методами стали две шкалы:

— шкала эпистемического любопытства (ECS), подшкалы которой измеряют интерес к изучению незнакомых тем с целью узнать что-то новое (например: «Мне нравится изучать новые идеи») и удовольствие от решения задач (например: «Когда мне дают новый вид арифметической задачи, мне нравится придумывать решения»);

— шкала эпистемического любопытства D-типа (CFDS), подшкалы которой измеряют желание уменьшить невежество и повысить компетентность (например: «Мне не нравится ничего не знать, поэтому я стараюсь узнавать новую информацию даже по самым сложным темам»), нетерпимость к нерешенным проблемам (например: «Мне действует на нервы, когда я знаю, что я близок к разгадке головоломки, но все еще не могу ее решить») и настойчивость при поиске ответов (например: «Я могу часами работать над одной проблемой, потому что просто не могу отдышаться, не зная ответа»).

Сегодня методология исследования любопытства продолжает совершенствоваться. Одним из последних вариантов стала пятимерная шкала 5DC, учитывающая удовольствие от осуществления исследовательской деятельности, чувствительность к депривации

информации, стрессоустойчивость, социальное любопытство и ориентацию на поиск острых ощущений [1; 20; 29]. Однако в контексте настоящей статьи интересно то, что в процессе применения своих шкал, Дж. Литман обнаружил, что они неуниверсальны: помимо индивидуальных различий существуют и «нормы», характерные для разных культурных сред.

В 2021 г. валидация английской шкалы эпистемического любопытства, переведенная на язык хинди, показала небольшие различия по шкале на хинди, что свидетельствует о взаимодействии языка и культуры. В результате было показано, что в индийской выборке некоторые факторы, связанные с любопытством и другими личностными конструктами, отличаются по сравнению с таковыми в американской выборке, к примеру, в отношении сплетен и этических аспектов получения информации, а также любопытства к академическим знаниям [13, с. 10—11].

Похожую работу в отношении сравнения шкалы эпистемического любопытства среди китайских старшеклассников провел коллектив авторов Хэбэйского университета (Китай) [5].

Такая модель имеет ярко выраженную социально-антропологическую объяснительную составляющую. Еще в 80-х годах Г. Хофштеде (Нидерланды) отмечал, что культуры с высоким уровнем избегания неопределенности демонстрируют большую жесткость и недостаточную открытость к инновациям по сравнению с культурами с низким уровнем избегания неопределенности, где люди более терпимы к двусмысленности и демонстрируют готовность идти на риск. Разработанный Г. Хофштеде индекс терпимости к неопределенности [3] напрямую связан с явлением любопытства: чем выше терпимость к неопределенности в той или иной культуре, тем более любопытными будут ее носители. Удерживание жестких экспликативных рамок, напротив, влечет как к социальному, так и в последствии психологическому неприятию инакомыслия, порицанию излишнего интереса, избеганию риска, строгому следованию правилам, в том числе по части убеждений и поисковой познавательной деятельности.

Эко-когнитивная модель

В контексте развития теорий расширенного сознания и дополненной когниции [14], концепции когнитивных ниш [30] и эко-когнитивного подхода [19] возникают предположения о взаимосвязи когнитивных процессов, определяемых как эпистемическое любопытство, с окружающей средой и доступными в ней ресурсами.

А. Субаши предполагает [25, С. 11], что его главными детерминантами являются не только внутренние ресурсы (ранее принятые знания), но и внешние (печатные книги, электронные документы, статьи, лекции, выступления или блоги). Обе из этих систем являются динамичными, и обеспечение их взаимодействия является эволюционной функцией, лежащей в основе любопытства. Как только человек начинает знакомиться с содержанием доступных ему внешних

ресурсов, обратная связь, исходящая от их содержания, может ослабить или подпитать его любопытство несколькими способами, «что и будет обратной связью внутри эпистемической экологии, которая влияет на различную динамику мотивации эпистемического любопытства» [25, р. 11]. В этом смысле окружающая информационная среда становится не просто инструментом удовлетворения познавательных потребностей, но и активным участником всего процесса.

Наряду с этим А. Субаши приводит прочие эффекты: любопытство скорее вызовет то, что объясняет, а не описывает, что совместимо с имеющейся системой убеждений, а не противоречит ей, что связано с магистральным поиском информации (например, для студента-лингвиста это когнитивная лингвистика, а не конкурирующие теории) и относится к области интересов человека, что имеет более высокую социальную ценность и более высокую личную оценку [25, р. 12—14].

Таким образом, внешние ресурсы информации представляются агентом окружающей среды, и именно отношения между организмом и окружающей его средой являются главной детерминантой поиска новой информации, т. е. когнитивного переживания любопытства.

Обсуждение

Рассмотрим неопределенность как детерминанту эпистемического любопытства. Если обратиться к эволюции научных представлений об источниках и детерминантах эпистемического любопытства, становится очевидным, что независимо от того, где мы начинаем исследование любопытства — в поведении или мышлении, в личностных характеристиках или во взаимодействии со средой, — место неопределенности в концептуальной системе остается прежним. Анализ паттернов рациональности человека показывает, что многие отношения между организмом и окружающей средой действительно связаны с преодолением неопределенности и непредсказуемости, и, предположительно, именно это послужило причиной возникновения многогранного феномена, известного как познание. Адаптивное поведение, связанное с когнитивными способностями человека, является ответом на непредсказуемость среды, в которой организм должен выжить, попыткой сократить степень ее неопределенности.

Может ли эпистемическое любопытство выступать эволюционным инструментом управления неопределенностью? Вероятно, что да; и чтобы проверить это предположение, рассмотрим, как оно раскрывается в ранее описанных моделях.

Основной недостаток моделей любопытства Д. Берлайна и Д. Левештейна — это отсутствие симметричного объяснения для того, почему все-таки далеко не все, о чем мы имеем какое-то представление, будет для нас любопытным.

Во-первых, школьное образование предлагает поверхностное (в смысле — не экспертное) знакомство

со всеми отраслями современной науки; и если предположить, что промежуточное знакомство с темой — достаточное условие для переживания любопытства, то любой выпускник был бы «информационным маньяком», стремящимся углубить свои знания во всем.

Во-вторых, современный человек прекрасно осознает, что он окружен «черными ящиками», он может не понимать, как работает Интернет, компьютер, государственная дума, валютные рынки, но чувствовать себя комфортно.

В-третьих, люди охотно остаются незаинтересованными в информации, ожидаемая полезность которой несравненно велика. Об этом свидетельствует, например, невысокая частота использования тестов на определение риска развития опасных для жизни заболеваний, — профилактическое генетическое тестирование, несомненно, дает ценную и полезную информацию для человека, но уровень любопытства к ней невелик.

Однако если мы представляем любопытство как попытку управления неопределенностями, то эти три замечания можно пересмотреть.

Навык распознавания пробела в информации, который объединяет две первые модели, — это навык распознавания неопределенностей. Если в случае D-типа (или специфического любопытства) неопределенность усиливается ожиданием разрешения, то в случае I-типа (и диверсивного любопытства) обнаружение неопределенности «встроено» в познавательную ситуацию ее разрешения. Воспользуемся приведенным ранее примером: вопрос «Как питается морская звезда?» провоцирует любопытство при условии осознания, что она должна питаться незнакомым для человека образом в силу отсутствия идентичного строения организма. Распознать такую неопределенность не трудно, но при смене формулировки это станет невозможным: заголовок «амбулакральная система иглокожих» не укажет человеку, далекому от биологического тезауруса, ни на какую неопределенность, и в то же время, человек, владеющий терминологией, скорее всего, эту неопределенность уже «разрешил» (эксперт не обнаружит неопределенность и не испытает любопытства, он слишком компетентен, для него здесь все определено).

Некоторая информация вовсе не указывает на неопределенность, и в таких случаях активации вознаграждения за ее поиск не происходит. Это, к примеру, изучение запутанного законодательства, нежелание читать противоречивые новости, нежелание ученого принять опровержение его теории являются примерами ситуаций, при которых поиск новой информации приумножает количество распознанных неопределенностей, сокращая долю неопределенностей разрешенных.

Если в приоритете результатов поиска информации из любопытства всегда находится сокращение неопределенностей, то объяснимо и третье замечание: количество меняющих жизнь неопределенностей будет абсолютно разным для человека до того, как он узнал, что имеет высокий риск опасного (неизлечимого) заболевания, и после.

Вспомним приведенное ранее противоречие между результатами двух исследований, в одном из которых утверждалась прямая пропорциональность между тревожностью и степенью любопытства [7], а во втором — обратная [2].

Посмотрим на предметы обоих исследований: в первом случае эпистемическое любопытство исследуется на примере инвестиционного поведения, во втором — поведения, связанного с бережным отношением к здоровью в разгар пандемии COVID-19.

Неопределенности в этих случаях имеют совершенно разный потенциал — можно сказать, положительный и отрицательный: любопытство относительно предполагаемой доходности инвестиций, что само по себе является крайне неопределенной средой, в которой от действий самого человека мало что зависит, отличается от мотивов людей в период пандемии, стремящихся избежать неопределенности последствий от нового заболевания. В обоих случаях любопытство возникает из-за ожидаемого снижения неопределенности в жизни при получении новой информации, а также из-за степени влияния гипотетически обнаруженных неопределенностей на последующие действия.

Выводы

Представляется необходимым сформулировать несколько уточняющих тезисов для обнаруженного подхода к природе эпистемического любопытства.

В первую очередь, с эволюционной точки зрения любопытство перестает быть механизмом сбора информации и становится стремлением сокращать распознанные неопределенности для наиболее эффективной адаптации к сложной, непредсказуемой окружающей среде. Это заключение характерно для современного этапа эволюционной психологии, в которой развиваются очень близкие к проблеме неопределенности концепции. Например, для теории когнитивных ниш [30], где фрагмент мира осваивается человеком рационально по принципу биологической ниши, или теории предиктивного кодирования [8; 15], в которой главной функциональной характеристикой психики выступает способность предсказать события и реакции окружающей среды при взаимодействии с ней (следовательно — сократить неопределенности).

Затем, необходим пересмотр убеждения в том, что некоторые связанные с любопытством познавательные процессы спонтанны и аномальны (как, например, диверсивное любопытство в ранних моделях). Представленный в статье подход предполагает, что все эти процессы имеют одинаковую природу и являются деятельностью, приоритетом результатов которой становится сокращение неопределенностей.

Однако самым значимым и самым дискуссионным из этих тезисов, который в силу необходимости дальнейшего детального изучения мы представим в виде допущения, заключается в том, что по крайней мере в

случаях эпистемического любопытства человеком движет не столько хаотичная потребность в познании, в получении любой информации, сколько потребность сокращать неопределенности. Это позволяет включить в набор рассматриваемых фактов наблюдения за поведением людей, рационально отказывающихся от информации, избегающих ее или предпочитающих оставаться в информированном неведении.

Представленная концепция не безупречна и оставляет некоторые вопросы, которые имеют не только психологический, но и философский характер. С одной стороны, наука движется в сторону натурализации любопытства как механизма сокращения переживаемой человеком средовой неопределенности, возникшего в ходе биологической эволюции, о чем говорят упомянутые ранее теории когнитивных ниш и предиктивного кодирования. С другой стороны, антропологический подход, не отрицая биологических механизмов эпистемического любопытства, указывает на его надбиологическую (культурная) регуляцию. Обе позиции представляются перспективными, но в то же время необходима еще одна альтернатива, а именно — механизмы индивидуальной регуляции, в которых проявляется субъектность человека. Третьим модусом любопытства, таким образом, является акт ответственной человеческой свободы, в котором неопределенность переживается как проблема нравственного выбора.

Заключение

Четыре рассмотренные модели предлагают четыре аспекта эпистемического любопытства как стремления разрешить неопределенность. Модель Д. Берлайна рассматривает способность распознать неопределенность в данном лингвистическом выражении. Модель Д. Лёвенштейна построена вокруг способности оценить вероятность сокращения неопределенности в результате поиска новой информации. Если в оригинальном изложении концепции понятие «ожидаемая полезность информации» оказывается неспособным предложить объяснение для любопытства к неинструментальной информации, то с представленной в статье точки зрения это затруднение преодолевается: ценностью становится не информация сама по себе, а разрешение неопределенности, или, если точнее, некоторая убежденность в сокращении доли разрешенной неопределенности во всей совокупности обнаруженных неопределенностей. Модель Дж. Литмана содержит прямое указание на роль неопределенности в когнитивных механизмах эпистемического любопытства: помимо личностных характеристик, на эпистемическое любопытство влияет сложившееся в культуре отношение к противоречиям, двусмысленности, пересмотру устоявшихся правил и догм (т. е. — к неопределенности). Если данная модель добавляет к чисто психологическим подходам Д. Берлайна и Д. Лёвенштейна культурную составляющую, то модель А. Субаши указывает на заключитель-

ный компонент, т. е. на материальные носители культуры, а также на социальные отношения, складывающиеся вокруг этих носителей (к примеру, условия доступа к информации). В мире, где люди завалены информацией и могут получить новый опыт всего несколькими щелчками клавиатуры, любопытство становится мощной психологической силой, а влияние внешних ресурсов становится огромным.

В заключение отметим, что применение подобного подхода кажется перспективным в самых разных областях прикладных исследований рациональной деятельности человека. Приведем один из примеров. Анализ любопытства через неопределенность не просто дает натуралистический взгляд на природу современных проблем психологии познания, но и объясняет их коэволюцию: веб-серфинг, при котором мы листаем страницы в поисках чего-нибудь любопытного, не имея конкретного запроса (диверсивное любопытство), перерастает в синдром страха упустить выгоду, при котором человек испытывает тревогу, когда долго не обновляет новостную ленту — мы знаем что мир не

стабилен, и за одну минуту количество неопределенностей может измениться (ожидаемая ценность информации). Все это оборачивается рядом расстройств, к примеру фаббингом — постоянным отвлечением человека на проверку гаджета во время беседы с реальным человеком в реальном мире. Эти проблемы широко известны исследователям интернет-аддикций, однако предложенный в данной статье подход дает новую точку обзора, обеспечивая переход от обвинительной психологии («человек имеет расстройство») к объяснительной психологии («мозг устроен так, что в условиях глобальной неопределенности и социальной турбулентности такое поведение является вполне рациональным»). Это, в свою очередь, позволяет выработать новые инструменты работы с подобными аддикциями. О том, что этот феномен является биологическим, т. е. натуральным, говорят аналоги представленной идеи в зоопсихологии: задачи на выбор информации и задачи на задержку информации у приматов и голубей. Таким образом, это направление можно считать одной из перспектив исследования.

Литература

1. A further look at the five-dimensional curiosity construct / M. Birenbaum, F.N.A. Alhija, H. Shilton, H. Kimron, R. Rosanski, N. Shahor // *Personality and Individual Differences*. 2019. Vol. 149. P. 57—65. DOI:10.1016/j.paid.2019.05.038
2. An energizing role for motivation in information-seeking during the early phase of the COVID-19 pandemic / Y. Abir, C.B. Marvin, C. van Geen, M. Leshkowitz, R.R. Hassin, D. Shohamy // *Nature Communications*. 2022. Vol. 13. № 1. P. 1—10. DOI:10.1038/s41467-022-30011-5
3. *Arredondo P. Hofstede Geert* // *The Wiley Encyclopedia of Personality and Individual Differences*. Vol. IV. Clinical, Applied, and CrossCultural Research / Eds. B.J. Carducci, C.S. Nave. Hoboken: Wiley Blackwell, 2020. P. 667—672. DOI:10.1002/9781118970843.ch376
4. *Berlyne D.E.* A theory of human curiosity // *British journal of psychology*. 1954. Vol. 45. № 3. P. 180—191. DOI:10.1111/j.2044-8295.1954.tb01243.x
5. *Dai W., Xia Y., Jia N.* Localized revision of the epistemic curiosity scale for chinese senior high school students // *International Psychological Applications Conference and Trends. Psychological Applications and Trends 2021* / Eds. C. Pracana, M. Wang. Lisboa: Science Press, 2021. P. 429—431. DOI:10.36315/2021inapact093
6. Exploring the antecedents and consequences of epistemic emotions / M. Chevrier, K.R. Muis, G.J. Trevors, R. Pekrun, G.M. Sinatra // *Learning and Instruction*. 2019. Vol. 63. Article ID 101209. 18 p. DOI:10.1016/j.learninstruc.2019.05.006
7. *Golman R., Gurney N., Loewenstein G.* Information gaps for risk and ambiguity // *Psychological Review*. 2021. Vol. 128. № 1. P. 86—102. DOI:10.1037/rev0000252
8. *Gordon R.M.* Simulation, predictive coding, and the shared world // *The Neural Basis of Mentalizing* / Eds. M. Gilead, K.N. Ochsner. Cham: Springer, 2021. P. 237—255. DOI:10.1007/978-3-030-51890-5_12
9. *Hardy J.H., Ness A.M., Mecca J.* Outside the box: Epistemic curiosity as a predictor of creative problem solving and creative performance // *Personality and Individual Differences*. 2017. Vol. 104. P. 230—237. DOI:10.1016/j.paid.2016.08.004
10. *Hidi S.E., Renninger K.A.* Interest development and its relation to curiosity: needed neuroscientific research // *Educational Psychology Review*. 2019. Vol. 31. P. 833—852. DOI:10.1007/s10648-019-09491-3
11. How anxiety predicts interpersonal curiosity during the COVID-19 pandemic: The mediation effect of interpersonal distancing and autistic tendency / Q. Huang, S. Cao, S. Zhou, D. Punia, X. Zhu, Y. Luo, H. Wu // *Personality and individual differences*. 2021. Vol. 180. Article ID 110973. 9 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.110973
12. How are curiosity and interest different? Naïve Bayes classification of people's beliefs / E. Donnellan, S. Aslan, G.M. Fastrich, K. Murayama // *Educational Psychology Review*. 2022. Vol. 34. P. 73—105. DOI:10.1007/s10648-021-09622-9
13. *Karandikar S., Kapoor H., Litman J.* Why so curious? Validation and cross-cultural investigation of the Hindi Epistemic Curiosity Scale // *Asian Journal of Social Psychology*. 2021. Vol. 24. № 1. P. 69—82. DOI:10.1111/ajsp.12425
14. *Kersten L.* A New Mark of the Cognitive? Predictive Processing and Extended Cognition // *Synthese*. 2022. Vol. 200. Article ID 281. 25 p. DOI:10.1007/s11229-022-03674-2
15. *Kiverstein J., Miller M., Rietveld E.* The feeling of grip: novelty, error dynamics, and the predictive brain // *Synthese*. 2019. Vol. 196. P. 2847—2869. DOI:10.1007/s11229-017-1583-9

16. Litman J.A., Jimerson T.L. The measurement of curiosity as a feeling of deprivation // *Journal of personality assessment*. 2004. Vol. 82. № 2. P. 147—157. DOI:10.1207/s15327752jpa8202_3
17. Loewenstein G. The psychology of curiosity: A review and reinterpretation // *Psychological bulletin*. 1994. Vol. 116. № 1. P. 75—98. DOI:10.1037/0033-2909.116.1.75
18. Lunn Brownlee J., Ferguson L.E., Ryan M. Changing teachers' epistemic cognition: a new conceptual framework for epistemic reflexivity // *Educational Psychologist*. 2017. Vol. 52. № 4. P. 242—252. DOI:10.1080/00461520.2017.1333430
19. Magnani L. Eco-Cognitive Openness and Eco-Cognitive Closure // *Discoverability: The Urgent Need of an Ecology of Human Creativity* / L. Magnani. Cham: Springer, 2022. P. 53—78. DOI:10.1007/978-3-030-93329-6_3
20. Measures of curiosity: A literature review / M.F. Wagstaff, G.L. Flores, R. Ahmed, S. Villanueva // *Human Resource Development Quarterly*. 2021. Vol. 32. № 3. P. 363—389. DOI:10.1002/hrdq.21417
21. Metcalfe J., Schwartz B.L., Eich T.S. Epistemic curiosity and the region of proximal learning // *Current opinion in behavioral sciences*. 2020. Vol. 35. P. 40—47. DOI:10.1016/j.cobeha.2020.06.007
22. Murayama K., FitzGibbon L., Sakaki M. Process account of curiosity and interest: A reward-learning perspective // *Educational Psychology Review*. 2019. Vol. 31. P. 875—895. DOI:10.1007/s10648-019-09499-9
23. Rosman T., Kerwer M. Mechanisms of epistemic change: The roles of reflection and social interaction // *Psychology Learning and Teaching*. 2022. Vol. 21. № 3. P. 193—209. DOI:10.1177/14757257221098860
24. Schmidt H.G., Rotgans J.I. Epistemic curiosity and situational interest: Distant cousins or identical twins? // *Educational Psychology Review*. 2021. Vol. 33. P. 325—352. DOI:10.1007/s10648-020-09539-9
25. Subaşı A. A Dynamic Systems Theory of epistemic curiosity // *New Ideas in Psychology*. 2019. Vol. 54. P. 8—14. DOI:10.1016/j.newideapsych.2018.12.003
26. Surprise, curiosity, and confusion promote knowledge exploration: Evidence for robust effects of epistemic emotions / E. Vogl, R. Pekrun, K. Murayama, K. Loderer, S. Schubert // *Frontiers in Psychology*. 2019. Vol. 10. Article ID 2474. 16 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.02474
27. Surprised-Curious-Confused: Epistemic Emotions and Knowledge Exploration / E. Vogl, R. Pekrun, K. Murayama, K. Loderer // *Emotion*. 2019. Vol. 20. № 4. P. 625—641. DOI:10.1037/emo0000578
28. Szumowska E., Kruglanski A.W. Curiosity as end and means // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 35. P. 35—39. DOI:10.1016/j.cobeha.2020.06.008
29. The five-dimensional curiosity scale: Capturing the bandwidth of curiosity and identifying four unique subgroups of curious people / T.B. Kashdan, M.C. Stikma, D.J. Disabato, P.E. McKnight, J. Bekier, J. Kaji, R. Lazarus // *Journal of Research in Personality*. 2018. Vol. 73. P. 130—149. DOI:10.1016/j.jrp.2017.11.011
30. Werner K. Cognitive confinement: theoretical considerations on the construction of a cognitive niche, and on how it can go wrong // *Synthese*. 2021. Vol. 198. P. 6297—6328. DOI:10.1007/s11229-019-02464-7
31. Wojtowicz Z., Loewenstein G. Curiosity and the economics of attention // *Current Opinion in Behavioral Sciences*. 2020. Vol. 35. P. 135—140. DOI:10.1016/j.cobeha.2020.09.002

References

1. Birenbaum M., Alhija F.N.A., Shilton H., Kimron H., Rosanski R., Shahor N. A further look at the five-dimensional curiosity construct. *Personality and Individual Differences*, 2019. Vol. 149, pp. 57—65. DOI:10.1016/j.paid.2019.05.038
2. Abir Y., Marvin C.B., van Geen C., Leshkowitz M., Hassin R.R., Shohamy D. An energizing role for motivation in information-seeking during the early phase of the COVID-19 pandemic. *Nature Communications*, 2022. Vol. 13, no. 1, pp. 1—10. DOI:10.1038/s41467-022-30011-5
3. Arredondo P. Hofstede Geert. In Carducci B.J., Nave C.S. (eds.), *The Wiley Encyclopedia of Personality and Individual Differences. Vol. IV. Clinical, Applied, and CrossCultural Research*. Hoboken: Wiley Blackwell, 2020, pp. 667—672. DOI:10.1002/9781118970843.ch376
4. Berlyne D.E. A theory of human curiosity. *British journal of psychology*, 1954. Vol. 45, no. 3, pp. 180—191. DOI:10.1111/j.2044-8295.1954.tb01243.x
5. Dai W., Xia Y., Jia N. Localized revision of the epistemic curiosity scale for chinese senior high school students. In Pracana C., Wang M. (eds.), *International Psychological Applications Conference and Trends. Psychological Applications and Trends 2021*. Lisboa: inScience Press, 2021, pp. 429—431. DOI:10.36315/2021inpa093
6. Chevrier M., Muis K.R., Trevors G.J., Pekrun R., Sinatra G.M. Exploring the antecedents and consequences of epistemic emotions. *Learning and Instruction*, 2019. Vol. 63, article ID 101209, 18 p. DOI:10.1016/j.learninstruc.2019.05.006
7. Golman R., Gurney N., Loewenstein G. Information gaps for risk and ambiguity. *Psychological Review*, 2021. Vol. 128, no. 1, pp. 86—102. DOI:10.1037/rev0000252
8. Gordon R.M. Simulation, predictive coding, and the shared world. In Gilead M., Ochsner K.N. (eds.), *The Neural Basis of Mentalizing*. Cham: Springer, 2021, pp. 237—255. DOI:10.1007/978-3-030-51890-5_12
9. Hardy J.H., Ness A.M., Mecca J. Outside the box: Epistemic curiosity as a predictor of creative problem solving and creative performance. *Personality and Individual Differences*, 2017. Vol. 104, pp. 230—237. DOI:10.1016/j.paid.2016.08.004
10. Hidi S.E., Renninger K.A. Interest development and its relation to curiosity: needed neuroscientific research. *Educational Psychology Review*, 2019. Vol. 31, pp. 833—852. DOI:10.1007/s10648-019-09491-3

11. Huang Q., Cao S., Zhou S., Punia D., Zhu X., Luo Y., Wu H. How anxiety predicts interpersonal curiosity during the COVID-19 pandemic: The mediation effect of interpersonal distancing and autistic tendency. *Personality and individual differences*, 2021. Vol. 180, article ID 110973, 9 p. DOI:10.1016/j.paid.2021.110973
12. Donnellan E., Aslan S., Fastrich G.M., Murayama K. How are curiosity and interest different? Naïve Bayes classification of people's beliefs. *Educational Psychology Review*, 2022. Vol. 34, pp. 73—105. DOI:10.1007/s10648-021-09622-9
13. Karandikar S., Kapoor H., Litman J. Why so curious? Validation and cross-cultural investigation of the Hindi Epistemic Curiosity Scale. *Asian Journal of Social Psychology*, 2021. Vol. 24, no. 1, pp. 69—82. DOI:10.1111/ajsp.12425
14. Kersten L. A New Mark of the Cognitive? Predictive Processing and Extended Cognition. *Synthese*, 2022. Vol. 200, article ID 281, 25 p. DOI:10.1007/s11229-022-03674-2
15. Kiverstein J., Miller M., Rietveld E. The feeling of grip: novelty, error dynamics, and the predictive brain. *Synthese*, 2019. Vol. 196, pp. 2847—2869. DOI:10.1007/s11229-017-1583-9
16. Litman J.A., Jimerson T.L. The measurement of curiosity as a feeling of deprivation. *Journal of personality assessment*, 2004. Vol. 82, no. 2, pp. 147—157. DOI:10.1207/s15327752jpa8202_3
17. Loewenstein G. The psychology of curiosity: A review and reinterpretation. *Psychological bulletin*, 1994. Vol. 116, no. 1, pp. 75—98. DOI:10.1037/0033-2909.116.1.75
18. Lunn Brownlee J., Ferguson L.E., Ryan M. Changing teachers' epistemic cognition: a new conceptual framework for epistemic reflexivity. *Educational Psychologist*, 2017. Vol. 52, no. 4, pp. 242—252. DOI:10.1080/00461520.2017.1333430
19. Magnani L. Eco-Cognitive Openness and Eco-Cognitive Closure. In Magnani L. *Discoverability: The Urgent Need of an Ecology of Human Creativity*. Cham: Springer, 2022, pp. 53—78. DOI:10.1007/978-3-030-93329-6_3
20. Wagstaff M.F., Flores G.L., Ahmed R., Villanueva S. Measures of curiosity: A literature review. *Human Resource Development Quarterly*, 2021. Vol. 32, no. 3, pp. 363—389. DOI:10.1002/hrdq.21417
21. Metcalfe J., Schwartz B.L., Eich T.S. Epistemic curiosity and the region of proximal learning. *Current opinion in behavioral sciences*, 2020. Vol. 35, pp. 40—47. DOI:10.1016/j.cobeha.2020.06.007
22. Murayama K., FitzGibbon L., Sakaki M. Process account of curiosity and interest: A reward-learning perspective. *Educational Psychology Review*, 2019. Vol. 31, pp. 875—895. DOI:10.1007/s10648-019-09499-9
23. Rosman T., Kerwer M. Mechanisms of epistemic change: The roles of reflection and social interaction. *Psychology Learning and Teaching*, 2022. Vol. 21, no. 3, pp. 193—209. DOI:10.1177/14757257221098860
24. Schmidt H.G., Rotgans J.I. Epistemic curiosity and situational interest: Distant cousins or identical twins? *Educational Psychology Review*, 2021. Vol. 33, pp. 325—352. DOI:10.1007/s10648-020-09539-9
25. Subaşı A. A Dynamic Systems Theory of epistemic curiosity. *New Ideas in Psychology*, 2019. Vol. 54, pp. 8—14. DOI:10.1016/j.newideapsych.2018.12.003
26. Vogl E., Pekrun R., Murayama K., Loderer K., Schubert S. Surprise, curiosity, and confusion promote knowledge exploration: evidence for robust effects of epistemic emotions. *Frontiers in Psychology*, 2019. Vol. 10, article ID 2474, 16 p. DOI:10.3389/fpsyg.2019.02474
27. Vogl E., Pekrun R., Murayama K., Loderer K. Surprised-Curious-Confused: Epistemic Emotions and Knowledge Exploration. *Emotion*, 2019. Vol. 20, no. 4, pp. 625—641. DOI:10.1037/emo0000578
28. Szumowska E., Kruglanski A.W. Curiosity as end and means. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2020. Vol. 35, pp. 35—39. DOI:10.1016/j.cobeha.2020.06.008
29. Kashdan T.B., Stikma M.C., Disabato D.J., McKnight P.E., Bekier J., Kaji J., Lazarus R. The five-dimensional curiosity scale: Capturing the bandwidth of curiosity and identifying four unique subgroups of curious people. *Journal of Research in Personality*, 2018. Vol. 73, pp. 130—149. DOI:10.1016/j.jrp.2017.11.011
30. Werner K. Cognitive confinement: theoretical considerations on the construction of a cognitive niche, and on how it can go wrong. *Synthese*, 2021. Vol. 198, pp. 6297—6328. DOI:10.1007/s11229-019-02464-7
31. Wojtowicz Z., Loewenstein G. Curiosity and the economics of attention. *Current Opinion in Behavioral Sciences*, 2020. Vol. 35, pp. 135—140. DOI:10.1016/j.cobeha.2020.09.002

Информация об авторах

Голубинская Анастасия Валерьевна, кандидат философских наук, научный сотрудник лаборатории киберпсихологии, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского (ФГАОУ ВО «ННГУ имени Н.И. Лобачевского»), г. Нижний Новгород, Российская Федерация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0777-1111>, e-mail: ivanov@yandex.ru

Information about the authors

Golubinskaya Anastasia Valerievna, PhD in Philosophy, the researcher, Cyberpsychology Lab, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia, golub@unn.ru

Получена 08.06.2022

Received 08.06.2022

Принята в печать 19.09.2022

Accepted 19.09.2022